

А. И. ШЕНДРИК

**Глобализация
в системе
культурологических
координат**

Противоречивый, двойственный характер глобализации проявляется при рассмотрении ее в системе культурологических координат.

С одной стороны, глобализация явно способствует ускорению процесса «социодинамики культуры» (А. Моль). Под ее воздействием резко возрастают темпы производства, распространения и потребления культурных ценностей. Время цикла обращения культуры резко сокращается, что приводит к увеличению объема информации, получаемой индивидом, расширению его кругозора, повышению интеллектуального уровня.

Благодаря новым информационным технологиям человек глобального общества получил возможность познакомиться с целой совокупностью артефактов, которые были недоступны людям индустриального и постиндустриального общества в силу отсутствия у значительной их части возможности совершать экскурсионные поездки в различные страны, путешествовать по миру, пользоваться услугами, предоставляемыми знаменитыми хранилищами культурных ценностей, где сосредоточена значительная часть мирового культурного наследия. Виртуальные музеи, виртуальные библиотеки, виртуальные картинные галереи, виртуальные концертные залы, существующие в «мировой информационной паутине» дают возможность познакомиться со всем тем, что был создано гением того или иного художника, архитектора, композитора независимо от того, где находятся те или иные шедевры: в Санкт-Петербурге, Лондоне, Брюсселе или Вашингтоне. Для миллионов стали доступны хранилища крупнейших библиотек мира,

в том числе библиотек Конгресса США, Британского музея, Российской государственной библиотеки

и многих других, фондами которых на протяжении столетий пользовался узкий круг лиц, занимающихся законотворчеством, преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

Глобализация узаконила существование некоего культурного стандарта, в соответствии с которым человек информационного общества должен владеть несколькими иностранными языками, уметь пользоваться персональным компьютером, осуществлять процесс коммуникации с представителями иных культурных миров, понимать тенденции развития современного искусства, литературы, философии, науки и т. д.

Глобализация усилила интенсивность культурных обменов, резко расширила круг тех, кто совершает бесконечный процесс перехода из одного культурного мира в другой. По сути, она сделала прозрачными границы для талантов, сняла ограничения на перемещение из страны в страну выдающихся исполнителей, дирижеров, художников, режиссеров, многие из которых ныне проводят за рубежом значительно больше времени, чем у себя на родине. Результаты творчества гениев в условиях глобализации перестают быть достоянием той или иной нации, а становятся достоянием всего человечества. Сегодня никого уже не удивляет, если на сцене Большого или Мариинского театра осуществляется постановка спектакля французским или американским балетмейстером или если на Красной площади поют величайшие теноры мира, а Д. Хворостовский исполняет

сольные партии в спектаклях «Ла Скала» или «Метрополитен опера» и т. д. Не будет преувеличением утверждать, что глобализация способствует культурной универсализации, сходной по своим характеристикам с универсализацией античного времени, когда Зенон и Архимед, Протагор и Софокл, Гомер и Пракситель воспринимались не как эллины, граждане Афин, Микен или Спарты, а носители ценностей, значимых в границах ойкумены — всего цивилизованного мира.

Глобализация создает предпосылки для выхода культуры за пределы общинно-племенных и локально-территориальных образований. Благодаря новым информационным технологиям идеи, символы, знания и умения, накопленные тем или иным этносом, получают широкое распространение в других культурных мирах, способствуя формированию у представителей иных наций и народов более точного представления о том, что собой представляет та или иная культура, какое место она занимает среди множества национальных и этнических культур.

В то же время нет никакого сомнения в том, что глобализация способствует стремительному углублению культурного неравенства между странами и народами. Сегодня по уровню образования, обеспеченности персональными компьютерами на душу населения, наличию личных библиотек, частоте посещения различных учреждений культуры, доле средств, выделяемых из бюджета на нужды культуры и т. д., страны «золотого миллиарда» на порядок опережают страны-аутсайдеры. На это обстоятельство обращают внимание практически все исследователи феномена глобализации, а также ведущие эксперты ООН и других широко известных международных организаций гума-

нитарной направленности. В частности, как указывается в докладе ЮНЕСКО о коммуникации и информации, сегодня в странах ЕС на приобретение телевизоров, видеомагнитофонов и видеокамер, населением тратится более 50% средств, используемых на приобретение электронного оборудования. Немного меньше (40%) тратится на приобретение персональных компьютеров и программного обеспечения. Оставшаяся доля средств идет на покупку бытовой техники (кухонных комбайнов, стиральных машин и т. д.). В странах Азии и Латинской Америки, не говоря уже о странах Африки, соотношение долей средств, расходуемых на приобретение товаров культурного и бытового назначения, прямо противоположное¹. Если сегодня количество персональных компьютеров в США составляет более 100 млн, а активными пользователями Интернета в Северной Америке являются более 240 млн человек, то в России количество тех, кто пользуется услугами Интернета хотя бы раз в неделю, составляет 8,2 млн человек, или 7% от общей численности населения. Тех же, кто входит в Сеть ежедневно, значительно меньше — 3,2 млн человек, причем абсолютное большинство из них — это жители Москвы и Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие уровень дохода, который намного выше среднестатистических показателей, обладающие высоким уровнем образования и высоким социальным статусом². В Африке же Интернет стал локально доступен в столицах африканских государств только в 1998 г. и сегодня им пользуется в лучшем случае один из 9 тыс. жителей, тогда как среднемировой показатель составляет 1:38. Большая часть населения данного региона, не звонит по телефону в силу неразвитости телефонных сетей и высокой стоимости оплаты телефонных разговоров. Ко-

¹ Доклад ЮНЕСКО о коммуникации и информации // <http://www.bpress.ru/free/unesco/12.html>. Глава XII. С. 6.

² По данным исследований Фонда «Общественное мнение», проведенных зимой 2003–2004 г. / Более подробно см: Интернет в России. Вып. 6. // <http://bd.fom.ru/report/map/projects/intenet06/040322/printable/>

личество телевизоров, работающих в странах Африки, составляет только 2,5% от общего числа телевизоров в мире, тогда как численность населения данного континента вполне может быть сравнима с численностью населения стран Дальневосточного региона или Европы¹. Практически ни одна из стран третьего мира (кроме Индии) не имеет собственного национального кинематографа, собственного национального театра и т. д. В «индустрии развлечений» этих стран в основном используется технологии и продукция, производимая членами «глобального клуба».

Культурное неравенство сегодня выступает, прежде всего, в виде «цифрового неравенства», которое наряду с экономическим неравенством воспринимается многими исследователями, политическими и общественными деятелями как главное препятствие на пути социального прогресса. Нет необходимости доказывать тот факт, что в условиях постиндустриального общества существует прямая зависимость между уровнем образования, культурного развития, социальным статусом личности, ее материальным положением и доступностью информационных ресурсов. Наличие у индивида персонального компьютера с периферийными устройствами (модемом, принтером, сканером) и свободных средств, позволяющих оплачивать услуги провайдеров, инженеров, программистов, а также стоимость расходных материалов (картриджей, бумаги, CD и т. д.), является сегодня предпосылкой его приобщения к разнообразным культурным ценностям, условием постоянной включенности индивида в процесс культурной деятельности. Учитывая то обстоятельство, что новые программные продукты, позволяющие оперативно получать любую информацию, находящуюся на сайтах Сети, могут быть установлены только на компьютеры новых модификаций, по стоимости вполне сравнимых с такими товарами престижного потребле-

ния, как домашние кинотеатры или автомашины, то для большинства наемных работников, получающих скромную зарплату, не говоря уже о тех, кто не работает по тем или иным причинам, возможность повышения своего культурного уровня, расширения кругозора, является воистину призрачной.

Глобализация углубила различие и в темпах культурного развития стран, принадлежащих к кругу лидеров и кругу аутсайдеров. Если ранее, их показатели, предположим, уровня человеческого потенциала, постепенно сближались, что рождало определенный оптимизм у тех, кто принадлежал к третьему миру, то теперь надежда на то, что страны-аутсайдеры в обозримой исторической перспективе смогут сблизиться со странами-лидерами практически утасла. Расхождение в темпах их культурного развития становится с каждым годом все явственнее, порождая практически неразрешимые противоречия, провоцируя рост национализма, шовинизма и ксенофобии, создавая предпосылки для возникновения радикального экстремизма, в основе которого, как показывает практика, зачастую лежит чувство оскорбленного национального достоинства, представление о былом величии и ведущей роли в культурном развитии, утраченной в результате культурной экспансии, осуществляемой длительное время странами, принадлежащими к другой цивилизационной системе.

Глобализация реанимировала принцип европоцентризма, несостоятельность которого была вскрыта еще Гердером и другим мыслителями европейского Просвещения, показавшими, что те, кто опирается на него в своей исследовательской деятельности, по сути, становятся апологетами «фаустовской цивилизации», утрачивают способность к объективному восприятию и взвешенной оценке сложных процессов, разворачивающихся в духовной сфере жизни западного общества. Восстановив его статус как императива теоретического мышления и практического

¹ Доклад ЮНЕСКО о коммуникации и информации // <http://www.bpress.ru/free/unesco/12.html>. Глава XIII. С. 3.

действия, глобализация превратила европоцентризм в идеологическое обоснование правомочности претензий «фаустовской цивилизации» на лидирующее положение в мире, на осуществление культурной экспансии и насильственного изменения «кодов культур» других народов, которые, по мнению идеологов глобализации, пока «живут вне истории».

Глобализация привела к коренным изменениям в системе взаимоотношений между народной, элитарной и массовой культурой, она понизила статус не только первых двух, но и культуры как таковой, которая сегодня многими воспринимается отнюдь не как конечная цель человеческого рода, о чем неоднократно говорили И. Кант, М. Вебер, Г. Зиммель, Н. А. Бердяев, С. А. Франк и другие, а как средство, способствующее достижению жизненного успеха и материального благополучия. Одновременно она возвеличила массовую культуру, превратив ее в ведущий элемент системы культуры постиндустриального общества. На это обстоятельство обращают внимание многие отечественные и зарубежные исследователи, в том числе и эксперты влиятельного итальянского журнала «Cinema nuovo», которые пишут: «Сегодня мы должны исходить из того обстоятельства, что в нашем обществе массовая культура стала господствующей, превратилась в отличительный знак времени. Остались в прошлом те времена, когда социолог Эдгар Морен, пытаясь узаконить массовую культуру, установить ее специфические черты, говорил о ней как о «третьей культуре», не подчиненной другим (высокой и народной), но еще не господствующей. Однако это было вчера. Менее чем за двадцать лет сеть масскульты покрыла все пространство существования культуры, поставив перед новым историческим феноменом, к которому мы не готовы. Речь идет не о борьбе внутри культуры, но и о ее трансформации

в массовую культуру, единственную и господствующую»¹.

Однако победа массовой культуры, совершившаяся благодаря глобализации, — это воистину пиррова победа, ибо массовая культура, как показано в многочисленных работах отечественных и западных культурологов и философов культуры, суть культура особого рода. По своей природе, механизмам создания, распространения и потребления артефактов, по кругу выполняемых функций, наконец, по основному носителю своих ценностей она коренным образом отличается от других типов культуры, прежде всего народной и элитарной. На это обращал внимание еще Х. Ортега-и-Гассет, который подчеркивал, что массовая культура — это культура человека массы, под которым он понимал индивида с невысоким уровнем культурного развития, ярко выраженным мифологическим сознанием, завышенными амбициями, полуобразованного, с «комплексом самодостаточности», имеющего превратные представления о свободе, равенстве, смысле человеческого существования. Об этом говорил и Т. Адорно, для которого массовая культура — синоним безличности и ангажированности, уродливое детище XX века, появление которого чревато серьезными и во многом непредсказуемыми негативными последствиями. Об особой природе массовой культуры писал и Г. Маркузе, который показал, что она коренным образом отличается от культуры «высокой» или, по его выражению, «многомерной».

Согласно воззрениям Маркузе, высокая культура в функциональном и содержательном плане является культурой дотехнологической и феодальной, ибо ей явно присущ романтический элемент, а также потому, что «творения, подлинно принадлежащие ей по духу, выражали сознательное неприятие всей сферы бизнеса, промышленности и порядка, основанного на расчете и прибыли»². Героя-

¹ Cinema Nuovo. № 266. P. 5.

² Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 75.

ми ее произведений были в основном представители высших слоев общества, устами которых провозглашались в качестве образцовых вкусы, привычки, мнения, оценки аристократии, дворянства и духовенства. Овладение высокой культурой предполагало освоение достаточно большого пласта знания, знакомство с ритуалами, выработанными на протяжении столетий. Теми институтами, благодаря которым испокон века поддерживалась, сохранялась и распространялась «высокая» культура, всегда были салон, театр, вернисаж, концертный зал. Благодаря им совершалось трансцендентирование повседневного опыта и превращение его в ткань литературного, музыкального или драматического произведения. «Высокая» культура, как пишет Маркузе, «выражала ритм и содержание универсума, в котором равнины и леса, деревни и трактиры, представители знати и разбойники, салоны и царские дворы составляли часть переживаемой действительности. В ее стихах и прозе живет ритм тех, кто брел по дорогам или ездил в карете, кто располагал временем и желанием для того, чтобы предаться размышлению, созерцательности, чувствам и рассказам»¹.

Совершенно иной является массовая культура, которая, как подчеркивает Маркузе, суть культура людей, живущих в ритме сегодняшнего дня. Овладение ее ценностями не требует обширных знаний. Не предполагает оно и неразрывной связи с традицией, прошлым опытом человечества, зафиксированным в преданиях, мифах, живописных полотнах, архитектурных памятниках, скульптурах, книгах, звуках. Героями ее произведений выступают авантюрист, битник, невротическая жена — домохозяйка, гангстер, кинозвезда, обаятельный финансовый магнат, которые выполняют функцию отличную от той, которую выполняли литературные герои, созданные представителями «высокой» культуры. Творения,

рождающиеся в рамках массовой культуры, носят вид товаров и обладают потребительской стоимостью, ибо они удовлетворяют витальные потребности людей. В них, как пишет Маркузе, нет той дистанции, которая всегда превращала их в нечто, наполненное «воздухом других планет». Массовая культура не только допускает, но и требует смешения жанров, стилей, художественных эпох. Она не усматривает ничего предосудительного в том, что музыка Баха сопровождается процессом приготовления пищи, что копии с картин Леонардо да Винчи или Пикассо используются для рекламы прохладительных напитков, что Платон и Гегель, Шелли и Бодлер, Маркс и Фрейд стоят на полках магазина среди лекарств, косметики и сладостей². Более того, с точки зрения эстетических канонов масскульты это является вполне закономерным, ибо массовая культура руководствуется «принципом Удовольствия, а не принципом Реальности. Произведения искусства, вносимые в атмосферу кухни, офиса, магазина, используемые в коммерческих и развлекательных целях, как бы претерпевают десублимацию, т. е. замещение опосредованного удовлетворения непосредственным»³. Этим как раз и объясняется притягательная сила масскульты, который дарит чувственные, осязаемые и ощущаемые удовольствия. Это не удовольствия, которые дарит игра ума, а удовольствия, получаемые разгоряченным и возбужденным телом. Массовая культура, считает Маркузе, совершенно беззастенчиво использует стремление людей к счастью, гармонии, пониманию, любви. Она создает иллюзорный мир, в котором человек чувствует себя комфортно, мир, где все противоречия разрешаются быстро и безболезненно, где все ясно и просто. Главная ее функция состоит в том, чтобы затушевывать насущные проблемы реальной жизни. По твердому убеждению Маркузе, массовая культура есть культура большин-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 76-77.

² См.: там же. С. 83.

³ Там же. С. 85.

ства. «Высокая» же культура есть культура меньшинства, а посему в новых исторических условиях она обречена на поглощение массовой культурой. «Ликвидация двухмерной (высокой) культуры происходит не посредством отрицания и отбрасывания культурных ценностей, но посредством их полного встраивания в утвердившийся порядок и их массового воспроизводства и демонстрации»¹. То, что мы сейчас наблюдаем, утверждает Маркузе, есть не процесс вырождения высокой культуры в массовую, а процесс опровержения высокой культуры действительностью. Таким образом, широкое распространение масскульта исторически неизбежно и оправданно, протестовать против этого по меньшей мере бессмысленно, как бессмысленно негодовать против наступления сезона дождей после летних солнечных дней.

Сходным образом высказывается относительно массовой культуры и один из известных западных исследователей сегодняшнего дня Э. ван ден Хааг, который подчеркивает, что говорить о массовой культуре как о «поле свободы» человека или сфере бытия, где совершается раскрытие индивидуальных задатков и способностей человека, реализация его личностного потенциала, по меньшей мере некорректно. Нет ничего удивительного в том, считает Хааг, что XX век не дал миру фигур такого масштаба, как Микеланджело Буонаротти или Бах. Ныне таланты отвлекаются от подлинного творчества, создавая произведения на потребу публики. С последним обстоятельством Хааг связывает предельную упрощенность произведений искусства, создаваемых творцами масскульта, стремление авторов многочисленных любовных романов, детективов, триллеров, рассказов и повестей в жанре фэнтези и других к счастливому концу, диалогу, где используются простые вербальные формулы, описанию действий героев, а не их внутренних переживаний. Хааг твердо убежден в том, что массовая культура «проста как

мычание», а посему он не считает возможным анализировать ее продукцию с эстетических позиций. Вывод, к которому он приходит, однозначен: масскульт, без сомнения, зло, но его торжество закономерно и объяснимо. Борьба с ним бессмысленна, ибо до тех пор, пока не будут уничтожены предпосылки, вызывающие к жизни массовую культуру, она неизбежно будет побеждать в том споре, который ведется ею с высокой культурой.

О массовой культуре как квазикультуре, некоем эрзаце, заменителе, рассчитанном на удовлетворение невзыскательных вкусов плохо образованной части населения, пишут и многие отечественные исследователи. В частности, В. Глазычев, который первым приступил к теоретическому осмыслению феномена массовой культуры, подчеркивает, что массовая культура возникает на определенной стадии развития общества, когда складывается своеобразный механизм производства, потребления и распространения культурных ценностей и конституируется особая экспертная служба, регулирующая «построение ценностных рядов и нормирующая фильтры ценностного сознания». Массовая культура, по мнению Глазычева, отличается от всех иных типов культуры прежде всего тем, что она искусственна по своему происхождению, ибо создается по определенным матрицам, разработанным специалистами в области социальной психологии, хорошо знающими законы функционирования таких социальных общностей, как толпа, масса, и широко использующими приемы манипулирования массовым сознанием. Второй характерной чертой массовой культуры, согласно представлениям Глазычева, является ее всеобщность, которая проявляется в том, что носителями ценностей масскульта сегодня являются самые широкие слои населения, в том числе и представители истеблишмента. Третьей чертой массовой культуры, по мнению Глазычева, является ее универсальность, которая вытекает из

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. С. 73.

слияния различных властвующих элит в единый управленческий комплекс. Четвертой чертой массовой культуры является то, что ее влияние распространяется на все континенты, она не признает границ и не нуждается в визах. Наконец, пятой чертой массовой культуры является то, что она «втягивает» в себя ценности различных культурных миров, нивелирует и десакрализирует их для решения собственных задач.

Приблизительно такую же оценку массовой культуры дают в своих работах В. П. Шестаков, Г. К. Ашин, Е. Н. Карцева, А. В. Курочкин, А. П. Мидлер, Ю. Н. Семенов и многие другие российские исследователи.

Таким образом, есть основание утверждать, что отечественные и западные ученые достигли консенсуса относительно природы массовой культуры и той роли, которую она играет в современном обществе. Среди них практически нет никого, кто бы ставил под сомнение тот факт, что массовая культура определяет вектор и темпы развития культуры постиндустриального общества; что она не только получает широчайшее распространение в эпоху глобализации, но и сама выступает в качестве мощнейшего средства углубления и расширения глобализационных процессов; что массовизация духовной жизни ведет к тому, что смещаются «точки отсчета», в силу чего несомненные шедевры и ремесленные поделки, рассчитанные на незыскательный вкус, начинают восприниматься как явления одного и того же ряда; что производство артефактов массовой культуры является одной из наиболее прибыльных отраслей экономики; что торжество массовой культуры ведет к утрате или в лучшем случае снижению культурного потенциала всего общества; что массовая культура находится в антагонистическом противоречии с традиционной народной и элитарной культурой.

Глобализация резко обострила проблему национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важ-

нейших проблем, тревожащих не только культурологов, но и политиков, общественных и религиозных деятелей, прогрессивно мыслящих представителей естественнонаучного знания. Как подчеркивает В. Г. Федотова, ныне даже экономические проблемы отходят на второй план в сравнении с невозможностью для представителей основных социальных групп найти приемлемый для себя ответ на вопрос «Кто мы такие?» и вытекающие отсюда ответы о целях, смыслах, ценностях отдельной личности и выборе ею пути¹. Практика и результаты многочисленных социологических исследований показывают, что индивид, не идентифицирующий себя ни с цивилизацией, в рамках которой разворачивается его деятельность, ни с культурой той нации, к которой он принадлежит по факту своего рождения, ни с той точкой географического пространства, которая называется «малой родиной», ни с тем периодом времени, который обозначается как определенная историческая эпоха, оказывается вне системы сложившихся связей и отношений, сформировавшихся в данном социуме в процессе его исторического развития. Он превращается в автономного субъекта, отличительной чертой которого является отщепенчество (термин Г. Федотова). Появление значительного числа личностей, утративших представление о своей национально-культурной принадлежности, приводит к дестабилизации общественной системы, резко повышает уровень социальной напряженности, ставит под вопрос способность той или иной страны сохранять свой суверенитет и территориальную целостность, противостоять давлению как извне, так и изнутри, находить необходимые ресурсы и эффективно их использовать в конфликтных ситуациях, которые сплошь и рядом возникают между различными странами, народами и государствами.

Необходимо подчеркнуть, что кризис идентичности сегодня испытывают практически все страны. Однако наибольшую глубину и масштаб он получил в тех странах,

¹ См.: Федотова В. Г. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6.

которые в недавнем прошлом принадлежали к мировой социалистической системе, и прежде всего в России, где на протяжении почти двух десятилетий сознательно расшатывали базовые структуры национального сознания и самосознания, где средствами массовой информации настойчиво внушалась (и внушается) идея об отсталости русской нации, о необходимости при выборе стратегии и тактики дальнейшего развития страны исходить из приоритета не национальных, а общечеловеческих ценностей. По мере превращения России в страну, занимающую четко определенное место в системе международного разделения труда, усиливается процесс десакрализации базовых ценностей национальной культуры, быстрыми темпами возрастает число тех, кто считает себя «гражданами мира», кто склонен рассматривать отечественную историю как сплошную череду несуразностей, ошибок и преступлений, кто вслед за П. Я. Чаадаевым, Н. В. Гоголем, В. В. Розановым утверждает, что «мы (русские. — *А. Ш.*) не находим себе места в мире, мы не находим себе модуса, формы труда. Мы не можем изобрести, придумать...»¹, что в прошлом у русской нации «дикое варварство, затем грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого унаследовала наша национальная власть»². Нет необходимости доказывать тот факт, что принятие подобных установок широкими массами (а именно к этому стремятся идеологи глобализации) чрезвычайно опасно, ибо история не знает примеров того, чтобы нация, признавшая свое духовное поражение, сохранила бы креативный потенциал, пассионарность, если воспользоваться выражением Л. Н. Гумилева, и смогла превратиться в активного исторического субъекта, оказывающего влияние на процессы, протекающие в различных сферах жизни общества.

Глобализация утвердила в качестве базового принципа сосуществования различ-

ных культурных миров принцип мультикультурализма, который ее идеологами рассматривается как императив государственной культурной политики, осуществляемой в информационном обществе. Однако, как показано в трудах ряда западных исследователей, реализация на практике идеи мультикультурализма оборачивается целым рядом негативных последствий, которые явно усугубляют и без того сложную социокультурную ситуацию, сложившуюся практически во всех развитых странах Запада. Об этом, в частности, много и обстоятельно пишет Сейла Бенхабиб, которую сегодня считают одной из наиболее вдумчивых и оригинально мыслящих исследовательниц феномена мультикультурализма. Анализируя опыт реализации на практике доктрины мультикультурализма в США, она пришла к выводу, что эта доктрина и течение практической политики основываются на банальном смещении ряда принципов, дополняемом иногда утратой их первоначального значения (таких, например, как принцип самоопределения, права на культурную идентичность, идеи равенства, а также некоторых положений теории гражданства). Мультикультурализм проявляется, во-первых, в попытках обосновать требования представителей тех или иных групп не индивидуальными их качествами, а статусом членов этих сообществ, во-вторых, в стремлении сделать ту или иную культурную идентичность группы основанием для выдвижения разнообразных требований политического и экономического толка. Примерами таких проявлений насыщена жизнь современных западных обществ. Характерная для начала XX века цель ассимилировать представителей иных культурных традиций в лоно доминирующей культуры сегодня нередко воспринимается как свидетельство расизма или национализма. С. Бенхабиб приводит три основных контраргумента, которые ставят под сомнение правомочность мультикультурной парадиг-

¹ Цит. по: Цена веков. М., 1991. С. 34.

² Чаадаев П. Я. Философические письма // Там же. С. 35.

мы. Во-первых, обоснование того или иного отношения к индивиду специфическими особенностями группы, членом которой он состоит, радикально расходится с принципами либерализма и тем самым отрицает важную черту культуры, сформировавшейся в западных либеральных демократиях. «Ошибка в теории, — пишет С. Бенхабиб, — проистекает из допущения соответствия между индивидуальными и коллективными запросами... В политическом отношении такой шаг опасен, так как он ведет к подчинению моральной автономности [личности] движениям, выступающим за коллективную идентичность. Я смею утверждать, что право современной личности на выражение самобытности проистекает из ее морального права на самостоятельный поиск достойной жизни, а не наоборот»¹. Во-вторых, С. Бенхабиб обращает внимание на то, что в рамках мультикультуралистской логики институционализация сообществ и групп происходит, как правило, на основании одной или нескольких особенностей человека, тогда как требования, выдвигаемые этими сообществами, весьма широки и не сводятся к строго определенным притязаниям. Такое положение дел, с ее точки зрения, легко объяснимо. С одной стороны, сами представители меньшинств объективно оказываются поставленными в ситуацию, когда отношение большинства к ним определяется только одной из их черт, и потому обвинять их в излишней восприимчивости к идеям мультикультурализма было бы несправедливо. С другой стороны, даже социологи, движимые благородными намерениями способствовать развитию меньшинств, определяют границы этих групп «исходя из редукции структур индивидуального сознания до известных [им] групповых идентичностей», что лишь закрепляет несовершенства сложившегося подхода. В-третьих, и это особенно важно, практика предоставления тех или иных прав и привилегий на основе групповой принад-

лежности противоречит фундаментальному либеральному принципу равногo отношения ко всем членам общества и подрывает равенство как в экономическом, так и в политико-правовом аспекте. С. Бенхабиб отмечает, что «право народа на самоутверждение должно рассматриваться и оцениваться в свете его приверженности всеобщим правам человека»², так как наделение одной группы людей особыми правами неизбежно происходит в ущерб всем остальным.

Стоит подчеркнуть, что мультикультурализм как базовый принцип функционирования культуры не предполагает позитивное взаимодействие, а тем более диалог культурных миров. Он исходит из молчаливой предпосылки существования культур, способных играть роль лидера, и культур, периферийных по своему значению, которым судьбой предназначено быть ведомыми. Те, кто рассматривает мультикультурализм как базовый принцип функционирования культуры в постиндустриальном обществе, признают, что его принятие в качестве императива культурной политики не есть принятие идеи о равенстве культурных миров. Мультикультурализм, по сути, фиксирует распад единства и гомогенности национальных культур, размывание границ между ними, переосмысление самого понятия «национальная культура». Иными словами, глобализация ведет к фрагментации, дроблению, локализации, «обратному заколдовыванию мира», если перефразировать М. Вебера. Культурная политика, проводимая теми, кто принял идею мультикультурализма и руководствуется ею, неизбежно приводит к росту этноцентризма, резко замедляет интеграционные процессы в культуре, которые всегда идут параллельно с процессами дифференциации в любом обществе независимо от того, какова его экономическая основа и установившийся политический строй.

Легитимизируя принцип мультикультурализма, глобализация в то же время способ-

¹ Бенхабиб С. Притязание культуры. М., 2004. С. 63.

² Там же. С. 184.

ствует росту культурной гомогенности. Однако, как справедливо указывает В. А. Кутырев, «формирующийся одинаковый образ жизни не равновесное смешение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур и политических институтов с заимствованием в каждом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской культуры над всеми остальными»¹. Мир, возникающий в результате глобализации, это монокультурный мир или, если воспользоваться выражением И. А. Ефремова, «Мир Инферно», отличительной чертой которого является отсутствие развития, бесконечное вращение по кругу без всякой надежды вырваться за пределы «дурной бесконечности». Возникновение подобного мира таит в себе огромную опасность. Это осознается сегодня всеми трезвомыслящими учеными и политиками, в том числе и экспертами ЮНЕСКО, которые считают, что сохранение культурного разнообразия представляет одну из важнейших стратегических задач, без решения которой вести речь об общественном прогрессе, о развитии человечества как целостности невозможно².

Глобализация ведет к понижению статуса национальных языков, к утверждению в качестве единственного средства межкультурного взаимодействия английского языка, хотя он является родным языком лишь 380 млн жителей планеты. Сегодня на английском языке издается львиная доля книг, газет и журналов. Более 80% материалов, размещенных в Интернете, представляют собой англоязычные тексты. То же самое можно сказать и об аудиовизуальной продукции, находящейся в Сети, которая практически вся создана англоязычными авторами. Знание английского языка стало непре-

менным требованием, которое ставится перед теми, кто рассчитывает получить работу в крупных фирмах, банках, страховых компаниях и т. д. Английский язык является средством общения между дипломатами, авиационными диспетчерами, работниками правоохранительных органов, таможенных служб и т. д. Как показывает практика, другие языки, в том числе и те, которые являются официальными языками ООН (среди них и русский), постепенно теряют свою значимость, ареал их распространения сужается, число носителей данных языков уменьшается, активно используемый словарный запас становится все более и более скудным, разговорная речь и письменные тексты стремительно насыщаются чужеродными заимствованиями, представляющими, образно говоря, кальку с английского и бессмысленными с точки зрения норм русского литературного языка, наподобие выражений «Любовь с первой ложки», «Двойная свежесть», «Моделируйте ваши волосы», «Бесконечно свежее дыхание», «С точностью до короля», «Свежий взгляд на майонез», «Фейерверк из других вкусов» и др. Этот процесс нарастает год от года, и если сохранятся тенденции, о которых речь шла выше, то недалек тот день, когда большинство жителей развитых стран будут говорить на английском, а не на языке своих предков.

Однако, как было показано еще Гердером, «всякий язык — это сосуд, в котором отливаются, сохраняются и передаются идеи и представления народа. Особенно если народ привязан к своему языку и всю свою культуру выводит из языка»³. Разрушение структур языка, обеднение синонимического ряда, исчезновение из оборота лексических формул, выработанных предыдущими поколениями, для Гердера суть показатели деградации культуры, свидетельст-

¹ Кутырев В. А. Культурологический смысл глобализма // <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalism.html>

² Более подробно см.: Практическое руководство по Всемирному десятилетию культуры (1988–1997 гг.). Париж, 1988. С. 20–21.

³ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 297.

ва ее грядущей гибели. В сохранении и развитии языка нации он видел важнейшую государственную задачу. Именно с этой установкой был связан интерес Гердера к немецкому фольклору, народной музыке, как и интерес Фихте, братьев Шлегелей, Шиллера, Гете, братьев Гримм и многих других видных деятелей немецкой культуры, усилиями которых было сохранено и приумножено уникальное языковое наследие древних германцев. Из этих же теоретических предпосылок исходил и Альфонс Доде, написавший широко известный рассказ «Последний урок», где главный герой провозглашает: «Пока народ, обращенный в рабство, твердо владеет своим языком, он держит в руках ключи от своей темницы»¹. Так же считал один из крупнейших филологов современности, основатель всемирно известной школы лингвистики Эдвард Сепир, доказавший, что «возникновение языка предшествовало самому начальному развитию материальной культуры, и само развитие культуры не могло, строго говоря, иметь места, пока не сформировался язык, инструмент выражения значения»². Этой точки зрения придерживались А. Н. Афанасьев, этнограф и фольклорист, вошедший в историю как автор фундаментальной монографии «Поэтические воззрения славян на природу» и издатель «Народных сказок», В. И. Даль, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», С. И. Ожегов, создатель современного «Словаря русского языка», академики Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, Б. Ф. Егоров и многие другие.

В процессе глобализации исчезает многообразие типов культурного взаимодействия. По мере ее углубления и расширения доминирующим типом взаимодействия между различными культурными мирами становится экспансия, в ходе которой происходит насильственное внедрение в систему ценностей одной культуры ценностей другой культуры. Сегодня является очевидным, что на протя-

жении последних десятилетий происходит массированное насыщение культурного пространства различных стран образцами американской массовой культуры, что вызывает тревогу не только у радикально настроенных фундаменталистов и консерваторов, но и у трезвомыслящих политиков, общественных, религиозных деятелей, хорошо представляющих последствия переориентации широких слоев населения на ценности американского масскульта. Средствами, с помощью которых осуществляется культурная экспансия, выступают кино, телевидение, музыка, Интернет. Как свидетельствуют органы статистики, сегодня в 22 наиболее развитых странах более 85% наиболее посещаемых фильмов являются американскими (а в таких странах, как Британия, Бразилия, Египет, Аргентина, — все 100%). Электронная почта и Всемирная паутина позволяют Соединенным Штатам Америки доминировать в глобальном перемещении информации и идей. Спутники переносят американские телевизионные программы на все широты, Информационное Агентство США (ЮСИА) использует эти технологии, подобно тому как прежде использовало «Голос Америки». По сути, получая доступ к информации, находящейся в Сети, каждый пользователь Интернета знакомится прежде всего с точкой зрения, выработанной интеллектуальной и политической элитой США. Базирование CNN в г. Атланта (штат Джорджия) обеспечивает США благоприятное для них освещение основных мировых событий. Сами американские специалисты указывают, что владыка арабы в начале 90-х годов каналом CNN, события вокруг Кувейта и Ирака (как и многое другое) получили бы иной мировой резонанс.

Соединенные Штаты закрепили господство в мировой науке.

Мировая элита воспитывается в американских университетах, где многие тысячи иностранцев получают образование. В США

¹ Доде А. Последний урок // Доде А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1986. Т. 5.

² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 42.

учатся примерно 450 тыс. иностранных студентов. Как показывает практика, после возвращения домой практически все они становятся в той или иной степени проводниками идей, сформировавшихся под влиянием американской профессуры, американского образа жизни, американского искусства, американских СМИ. Это создает исключительно благоприятные возможности для распространения американского влияния.

Следует сказать, что представители американской политической, деловой и интеллектуальной элиты не скрывают, что культурная агрессия, навязывание ценностей американской массовой культуры представителями других цивилизационных миров осуществляется сознательно. Многими из власть предержащих такие действия рассматриваются как неотъемлемый элемент внешней политики США, средство, позволяющее закрепить и сохранить на вечные времена доминирующее положение США в мире. В частности, известный американский исследователь Р. Стил пишет: «Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самодовольствии... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру — и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочим: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали».

Сходным образом рассуждает и один из крупнейших западных идеологов сегодняшнего дня З. Бжезинский, который в своей нашумевшей книге «Великая шахматная доска» пишет: «Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее

притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте....

Демократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями, еще больше укрепляют то, что некоторые воспринимают как американский «культурный империализм». В век самого широкого распространения демократических форм правления американский политический опыт все больше служит стандартом для подражания»¹.

Глобализация дискредитировала идеалы Просвещения, продемонстрировав на практике, что в глобальном мире неприемлемо существование ни индивидов, ни государств, руководствующихся принципами свободы, равенства и братства. Она создала предпосылки для превращения интеллигенции в сообщество интеллектуалов. Ее идеологами были предложены новые критерии значимости этносов, не по культуре, а по способности вписаться в глобальную экономику, найти свою нишу в системе разделения труда.

Но самое главное негативное последствие превращения глобализации в мировой феномен состоит в том, что она нанесла мощный удар по базовым структурам практически всех национальных культур. Между тем

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 38-39.

культура народа, пишет Гердер, это цвет его бытия, изящное, но бренное и хрупкое откровение его сущности¹. Об этом писал и Кант, который доказал, что создание культуры представляет собой высшую цель, которую способен поставить человек перед собой. Высшей же целью культуры является создание человека морального. Таким образом, разрушая культуры, мы лишаем человечество конечной цели и обрекаем его на пребывание в доморальном состоянии.

Впоследствии идея об особом статусе культуры разрабатывалась М. Вебером, П. Сорокиным, Т. Парсонсом. М. Вебер показал, что тип культуры определяет тип организации экономической жизни. В предельно заостренной форме идея о культуре как первооснове общественного бытия, важнейшей задаче, которую призван решать человеческий род, была выражена Н. А. Бердяевым, который писал в своей известной «Философии неравенства», что ни в экономике, ни в политике, а в культуре осуществляются цели общества.

Представление о культуре как смысле человеческого бытия является общим местом размышления всех европейских интеллектуалов конца XIX — начала XX века от Мопассана, Буркхарта до Хейзинги и Альберта Швейцера. В качестве примера можно сослаться на Томаса Манна, чей роман «Доктор Фаустус» является подлинным гимном культуре, или на Германа Гессе, чья «Игра в бисер» уже не одно десятилетие выступает подлинной Библией радикально мыслящих представителей западной интеллигенции, где идея о необходимости сохранения культуры как высшей ценности проходит красной нитью с первой до последней страницы.

Представление о том, что культура — высшая ценность, а сохранение культуры любого народа — важнейшая задача, что наличие множественности культур является

предпосылкой дальнейшего прогрессивного развития человечества, на протяжении всех послевоенных десятилетий рассматривалось как теоретическая основа практической деятельности ЮНЕСКО и других международных организаций гуманитарной направленности. До самого последнего времени подобное понимание роли и значимости культуры каждого народа было непреложным. С точки зрения же поборников глобализации национальные культуры выступают в качестве элементов, консервирующих ценности обществ, которые исчерпали свой потенциал и препятствуют вхождению в систему «мирекономики».

Таким образом, глобализация является более сложным процессом, чем себе представляют не только ее апологеты, но и противники — антиглобалисты. Тот вариант глобализации, который осуществляется, несет с собой стагнацию и медленное, но верное умирание национальных культур.

Глобализация утверждает культурную экспансию как единственный способ культурного взаимодействия. Она реанимирует принцип европоцентризма, возвращает нас к тем временам, когда «свет цивилизации» несли конквистадоры и авантюристы всех мастей, воодушевленные идеей абсолютной ценности европейской культуры и совершенства европейского образа жизни.

Глобализация означает отказ от гуманистической традиции европейского Ренессанса, Нового и новейшего времени, в соответствии с которыми каждому человеку должно быть гарантировано право на свободное развитие, уважительное отношение к тем ценностям, которые для него являются значимыми.

Именно с этими моментами связаны неприятие того варианта глобализации, который осуществляется сегодня, и поиск ее альтернативных моделей.

¹ См.: Гердер Й. Г. Идеи к философии истории человечества.